

Два с лишним месяца, семьдесят четыре дня — целых семьдесят четыре дня он не видел Тан Цзи. Сейчас он был похож на рыбу, что билась в болоте, которую вдруг опустили в чистую воду, и она жадно впитывала драгоценный кислород.

Тан Цзи всегда был самым ярким в толпе. Как бы это сказать? Луна в окружении звезд? Одним словом, все, кто шёл рядом с Тан Цзи, даже самые красивые, меркли и автоматически стирались в глазах Чэнь Сюя, словно замазанные пикселями. Как, например, сейчас: он ничего не слышал, сам собой отключив визг и возбуждённое обсуждение двух старшекурсниц рядом, и не видел никого другого — его взгляд следовал только за одним Тан Цзи.

Тан Цзи с подносом сел за столик неподалёку, и лишь тогда Чэнь Сюй выключил автоматическое блокирование окружающих. Он заметил, что сидевшая за тем же столиком девушка украдкой ликовала, и в груди у него всё перевернулось от ревности. Он сам не заметил, как взял палочки и начал их угрюмо грызть. Почему рядом с Тан Цзи сижу не я?! Почему! Небо, ты ко мне слишком жестоко! Кроме тех нескольких раз, когда я проходил мимо Тан Цзи по дороге в туалет, ты даже не даёшь мне шанса оказаться с ним рядом у писсуара! Я ненавижу! Я так ненавижу!

Чэнь Сюй походил на обиженную жену — с тоской на лице он смотрел на Тан Цзи и ту девушку за столом.

На Тан Цзи была белая футболка и джинсы — простой, скромный наряд, но он всё равно бросался в глаза. Чэнь Сюй знал: он не единственный, кто тайком смотрит на Тан Цзи. По крайней мере, две старшекурсницы рядом с ним и девушка за соседним столиком — и, конечно, многие другие.

Мой бедный маленький Тан Цзи, в этом мире слишком много опасностей, слишком много людей с недобрыми намерениями. Мой такой наивный, такой чистый маленький Тан Цзи среди стольких, кто на него зарится, — как же это опасно! Это просто ужасно, до дрожи тревожно, — думал Чэнь Сюй, обуреваемый материнской заботой. Окружающие женщины казались ему хищными волками и тиграми, и он боялся, что Тан Цзи утащит кто-нибудь из них.

Тан Цзи спокойно ел, держался достойно, не спешил и не медлил — каждое движение было в самый раз. Даже его трапеза была подобна картине, радующей глаз. Чэнь Сюй подпёр подбородок рукой, с безучастным видом грызя палочки и притворяясь, что смотрит в пустоту, но краем глаза всё равно следил за Тан Цзи неподалёку. Он всегда умел прятать свои чувства; если только не терял контроль над собой, он никогда не выдавал свои истинные эмоции.

Так он просидел в ступоре, пока Тан Цзи не закончил есть. Тан Цзи собрал свою посуду и пошёл к месту сбора грязной посуды. Чэнь Сюй тоже двинулся с места. Вместе с ним тронулись и многие девушки, что тайком наблюдали за Тан Цзи. Не успел Чэнь Сюй опомниться, как оказался погребён в толпе этих девушек, с трудом различая лишь макушку Тан Цзи, которая всё же возвышалась над толпой.

Да перестаньте вы толкаться! Вы же девушки! Будьте хоть чуточку изящнее! Что вы как бабки

на рынке! Эй, эй, эй! Вы заслоняете мне Тан Цзи! Старшие сёстры! Младшие сёстры! Умоляю, хватит толкаться! — кричал Чэнь Сюй в душе, но на лице его застыло холодное выражение. Он сам вышел из толпы и встал в стороне. Хороший мужчина не станет спорить с женщиной, нужно сохранять джентльменские манеры. Он тихо стоял и ждал, пока эта волна людей сдаст остатки еды и поставит подносы, а сам тем временем сходил с ума от нетерпения — Тан Цзи вот-вот уйдёт.

Наконец, когда толпа немного рассеялась, Тан Цзи, как и следовало ожидать, исчез. Чэнь Сюй быстро поставил посуду и выбежал за дверь столовой, но Тан Цзи уже и след простыл.

Ох, какая же досада! Чэнь Сюй с досадой хлопнул себя по голове — вот так он упустил возможность ещё хоть разок полюбоваться спиной Тан Цзи.

Но ничего страшного. Он всё-таки увидел Тан Цзи. Спустя два с лишним месяца — это была невероятная радость. Он вернётся домой и тайком запишет это в свой блокнот. Блокнот был тайной Чэнь Сюя: он исписал его множеством историй о Тан Цзи, о своей тоске по нему и о каждой их встрече. В этом блокноте — смысл всей его жизни и всё его счастье.

<http://bllate.org/book/19087/1874442>